

Антон Фрунзе

Тень Алеппо

Антон Фрунзе

Тень Алеппо

<https://litres.ru/74582954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна из версий реальности, где всё могло быть иначе. Методы информационной войны здесь представляются в образе заразного и смертоносного заболевания. Проходят тысячи лет, но принципиально ничего не меняется, наступает то время, когда истина превращается в оружие и лучший способ продолжать жить в мире, это похоронить правду.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Антон Фрунзе

Тень Алеппо

Глава

Тень Алеппо

Все персонажи, истории, люди вымышлены, любое совпадение с реальными историями людей случайно.

Пролог. Чума в Алеппо

Москва, 2076 год

Прежде чем начать, я хочу рассказать одну историю.

Я нашла её не сразу. Она лежала в оцифрованных архивах Ленинской библиотеки Москвы, в старых медицинских журналах, в переводах с латыни и арабского, которые никто не открывал десятилетиями. Эта история не о две тысячи двадцать шестом годе. Не о нашей пандемии. Она о более древних временах. О городе, который назывался Алеппо.

Весной 1742 года европейские купцы в Алеппо готовились к приёму в доме французского консула. Никто не заметил, что смерть уже вошла в город. В апреле заболел иезуитский священник — через три дня его не стало. В начале

мая молодой французский купец по имени Ролан почувствовал недомогание. Друзья смеялись над ним, говорили, что он выдумывает болезнь, чтобы напугать соотечественников. Но на следующий день всё изменилось. Ролан умер двенадцатого мая. Французский консул и несколько купцов немедленно заперлись в своих домах. С этого момента никто не выходил на улицу. Никто не дышал. Никто не доверял воздуху.

Эту эпидемию позже описал Александр Рассел — английский врач, проживший в Алеппо тридцать лет. В своей «Естественной истории Алеппо» он писал: «Нет ничего ужаснее прихода чумы. Смерть предстаёт в самых страшных формах, а человеческие страдания превосходят всё, что способна облегчить самая деятельная благотворительность. Жар, жажда и боль часто терзают больного одновременно; других же охватывает невыразимая слабость и уныние. Даже те, кто выжил, не перестают страдать от мучительных болей и гниющих язв — отвратительных остатков болезни».

Рассел описал симптомы: озноб, тошнота, рвота жёлчью, невыразимая тяжесть в желудке, боль в спине или пояснице, жестокая головная боль, внезапная слабость. Потом — лихорадка. Потом — смерть. «Болезнь поначалу не кажется особенно опасной, — писал он, — но часто убивает за несколько часов. А самые страшные приступы иногда заканчиваются неожиданным и счастливым выздоровлением».

В истории Алеппо чума была не событием, а состоянием. Восемьсот двадцать пятый год, восемьсот шестьде-

сят третий, тысяча семьсот девятнадцатый, тысяча семьсот двадцать девятый, тысяча семьсот тридцать третий, тысяча семьсот сорок второй, тысяча семьсот сорок четвёртый, тысяча восемьсот двадцать седьмой — эти даты оставили в памяти города одинаковый след: закрытые ворота, запёртые дома, улицы без живых, тела без погребения и те, кто выжил, — с ужасом, который они не могли передать словами.

Но это лишь история одного города.

В более широкой картине Алеппо — только звено в цепи. Александр Рассел заметил важную вещь: чума никогда не вспыхивала в Алеппо сама по себе. Она всегда приходила сначала в прибрежные города Сирии — Сидон, Бейрут, Триполи, — а затем через Дамаск или Скандерун продвигалась вглубь. Город никогда не был источником. Он был путём. Перекрёстком, где сходились Средиземноморье, Анатолия, Месопотамия и Аравийский полуостров. Узлом, через который проходили караваны, паломники и армии.

И именно эти караваны, паломники и армии несли чумную палочку — *Yersinia pestis* — из какого-то далёкого места на Востоке в Алеппо, в Сирию, в Средиземноморье, во весь известный мир.

Три великие пандемии.

Первая — Юстинианова чума. Началась в 531 году в Египте и Сирии. Прокатилась по всей Римской империи, длилась пятьдесят лет, убила от пятидесяти до ста милли-

онов человек. По некоторым оценкам, Восточная Римская империя потеряла от трети до половины населения.

Вторая — Чёрная смерть. Её истоки — в пустыне Гоби, в природном очаге на границе современной Монголии и Китая. Монгольские армии и торговые караваны принесли её по Шёлковому пути в Крым, а оттуда — на кораблях в Европу. В 1346 году войска Золотой Орды при осаде Кафы забрасывали в город тела заражённых — возможно, это первое документально зафиксированное применение биологического оружия в истории. Затем генуэзские купцы привезли чуму в Италию, на Сицилию, во всю Европу. К 1352 году Европа потеряла треть населения. К концу XIV века три четверти мира были мертвы.

Третья — началась в 1855 году в китайской провинции Юньнань, затем Гонконг, затем все портовые города, куда заходили корабли. С 1894 по 1963 год только в Индии от чумы умерло двенадцать миллионов шестьсот шестьдесят тысяч человек.

Но между этими тремя волнами, в трещинах официальной истории, есть больше.

В 1227 году Чингисхан умер во время осады последней крепости тангутов. Традиционные версии: упал с коня, был ранен стрелой, убит тангутской принцессой. Но современные медицинские историки предлагают другое объяснение: чума. В 1226 году, после победы монгольских войск над тангутским городом Линву, советник Чингисхана Елюй Чуцай

собрал ревеня для лечения тысяч монгольских солдат, умерших от эпидемии. В той кампании армия Чингисхана страдала от смертельной болезни. А сам хан в августе 1227 года заболел лихорадкой и умер через восемь дней.

Если это правда — если Чингисхан действительно умер от чумы, — то тень Чёрной смерти начала формировать историю за целое столетие до того, как она обрушилась на Европу.

И это ещё не всё.

В 1285 году войска Золотой Орды вторглись в Венгрию. Летописи сообщают, что той зимой чума опустошила монгольскую армию. Ипатьевская летопись описывает цепь голода, людоедства и массовой гибели. Согласно позднейшему анализу, эту эпидемию — вероятнее всего, чуму — приписывали Ногаю, монгольскому военачальнику, которого обвиняли в использовании «магии» для управления погодой и насылания бедствий.

Это не первое задокументированное применение биологического оружия, но, возможно, одно из самых ранних. Приписывание болезни вражеской магии означает, что уже тогда люди смутно понимали: болезнь можно обратить в оружие. Можно использовать как средство войны.

А потом — 1346 год, Кафа. Войска Золотой Орды забрасывают тела умерших от чумы в осаждённый город. Те, кто внутри стен, никогда не сталкивались с этой болезнью. Те, кто снаружи, знают, что делают.

От лихорадки Чингисхана — к трупам над Кафой. От них — к алеппским чумам. От них — к пятидесятилетнему кошмару Юстиниана. Это одна линия.

Линия о том, как человек и *Yersinia pestis* эволюционировали вместе. О том, как эта бактерия использовала торговые пути, военные походы, паломнические маршруты и рост городов, чтобы распространяться. И о том, как человек — от первых обвинений в колдовстве до сознательного забрасывания трупов, до лабораторий в Харбине и Кении, где в двадцатом веке выращивали штаммы, — постепенно учился превращать природную катастрофу в оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.